

пастиле и немалым денежным средствам Фету удалось вернуть себе в 1873 году фамилию Шеншин и дворянское звание. Вот как поэт писал своей жене об охвативших его в тот момент чувствах: «Теперь, когда все, слава богу, конечно, ты представить себе не можешь, до какой степени мне ненавистно имя Фет. Умоляю тебя, никогда его мне не писать, если не хочешь мне опротиветь».

Хоть Фет и женился на Марии Петровне, не испытывая к ней сильного любовного чувства, симпатия и здравое размышление при этом все-таки присутствовали. Такие браки, как показывает жизнь, бывают не менее удачными, чем браки по любви. Вот и супружество Фета оказалось удачным — прежде всего по нравственному счету. О Марии Петровне все окружающие говорили с уважением и неподдельной приязнью. Она была образованна и добро-порядочна, искренне привязалась к мужу и стала ему хорошей помощницей. Это Фет всегда чувствовал и отвечал благодарностью. Ему нравился спокойный, доброжелательный характер Марии Петровны. Семейная и жизнь сложилась благополучно. Несмотря на то что в ней никогда не было любовной страсти, в доме, тем не менее, всегда царило взаимное уважение. Они прожили вместе 35 лет.

Любовь до гроба

Однако многое говорит о том, что поэт никогда не забывал о своей первой любви и мучился воспоминаниями о ней до последних дней. Из счастливого настоящего рвался в прошлое, в котором навсегда осталась возлюбленная. Преодолевая эту мучительную раздвоенность, на протяжении трех с половиной десятилетий после кончины Марии Лазич он создал цикл исповедальных стихотворений. В них главенствует тема трагической любви, за что его прозвали певцом печали:

Долго снились мне вопли рыданий твоих, —
То был голос обиды, бессилия плач;
Долго, долго мне снился тот радостный миг,
Как тебя умолил я — несчастный палач.
Проходили года, мы умели любить,
Расцветала улыбка, грустила печаль;

Проносились годы, — и пришлось уходить:

Уносило меня в неизвестную даль.
Подала ты мне руку, спросила «Идешь?»
Чуть в глазах я заметил две капельки слез;
Эти искры в глазах и холодную дрожь

Я в бессонные ночи навек перенес.

В последние же годы жизни Фета тональность его стихотворений изменилась: волею судьбы он испытал новый и самый высокий в своей жизни творческий взлет. Немощный старик вдруг испытал чувства юноши, обуреваемого мыслями о любви, о буйстве жизни. Чувство к женщине стало для него лирического героя всепоглощающим. В тот период он жил прошлым, воспоминаниями, «былой нежностью». В стихотворении «Нет, я не изменил. До старости глубокой...» он признается:

И старый яд цепей, отрадный и жестокий,

Еще горит в моей крови.

Однако самое, может быть, знаменитое стихотворение Фета о любви — «Шепот, робкое дыханье...», написанное в год смерти

Марии Лазич, — о красоте ночной природы, о любви, чувстве тончайшем, невыразимо сильном. Стихотворение построено на одних назывных предложениях. Постепенно из звуков, дыхания ночи, отблесков ручья возникает «милое лицо» в его «волшебных изменениях». Свидание с любимой таит счастье и сладкие страудания: «И лобзания, и слезы...» Долгая, на всю ночь, встреча и сердечная близость завершаются невыразимым восторгом: «И заря, заря!..» — последние слова звучат не в ряду других, а выделенно. В контексте стихотворения заря — высшее выражение чувства, свет любви.

Умер Фет в возрасте 72 лет, 21 ноября 1892 года, испытывая все ту же поглощавшую его до конца жизни любовь: «Нет, я не изменил — до старости глубокой я раб твоей любви...»

И тайной сладостной душа моя мятется,
Когда ж окончится земное бытие,
Мне ангел кротости и грусти отзовется
На имя нежное твое.

Через все творчество Фета проходит эта отчаянная, трагически звучащая нота, и тот, кто не чувствует ее, тот не чувствует его поэзии, ибо все остальные мотивы находятся на периферии его творчества.

Жизненная драма, главная любовь его жизни, которую он не мог забыть, как подземный ключ, изнутри питала его лирику. Отсюда — и сила чувства, мощь поэзии, страстное, юношеское отношение к красоте, любви.

Нужна ли такая поэзия и такая любовь в век глобальных потрясений? Вероятно, нужна — чтобы оставаться людьми. ■

Егор Мышкин